

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.90.76.034

Культурный посыл искусства: специфика современной русской литературы

Успенская Анна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры философии и культурологии,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: uspenskaja@rambler.ru

Соломонова Наталья Алексеевна

Доктор искусствоведения, профессор,
член-корреспондент Международной Академии наук Высшей школы,
профессор кафедры звукорежиссуры и музыкального искусства,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: n.solomonova2011@yandex.ru

Шарафадина Клара Ивановна

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры журналистики,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: belkaklara@mail.ru

Аннотация

В статье подвергается осмыслению состояние современной отечественной литературы. Авторы исходят из концептуального предположения о том, что искусство в целом и, в особенности, художественная литература является наилучшим фиксатором глубинных процессов в культуре. Поэтому ознакомление с художественной литературой и ее анализ может быть полезен при желании понять дух той или иной культурной эпохи. В особенности это может относиться к анализу текущей эпохи, современности, поскольку теоретическая рефлексия вынуждена запаздывать по отношению к происходящим процессам, видение же художника фиксирует их непосредственно. В статье анализируется ряд произведений, созданных в течение последних десятилетий, заслуживших высокие оценки критиков и получивших литературные премии. Также делаются выводы об основной проблематике и жанровых особенностях, преобладающих в современной отечественной литературе. Отмечается склонность к историческому жанру, большое внимание к проблемам и осмыслению российской истории, а также тот факт, что история часто снабжается мифологическими, мистическими, фэнтезийными чертами,

гипертрофируется, иронически искажается. Гипотеза состоит в том, что литература фиксирует проблемное состояние самой культуры, находящейся в сложной ситуации, на распутье, в состоянии колебания и неуверенности, что может быть вызвано множеством мировоззренческих сдвигов, произошедших за последние десятилетия, и ослаблением, запутыванием любых смысловых и ценностных рядов. Таким образом, даже само несовершенство художественной формы оказывается фиксатором культурного состояния, а выход из кризиса может лежать за пределами форм, ставших общепринятыми.

Для цитирования в научных исследованиях

Успенская А.В., Соломонова Н.А., Шарафадина К.И. Культурный посыл искусства: специфика современной российской литературы // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 321-334. DOI: 10.34670/AR.2023.90.76.034

Ключевые слова

Культурная эпоха, современность, литература, российская литература, отечественная литература, художественная форма, кризис литературы, постмодернизм в литературе.

Введение

Искусство обладает силой отражать дух эпохи, улавливать самую ее суть точнее, чем любое теоретическое исследование. Художник наблюдает, чувствует, подмечает тонкие детали, и описывает их так, как они бросились ему в глаза, не подвергая научной рефлексии. Так что художник – это не просто тот, кто владеет способностью создавать те или иные формы, а тот, кто обладает способностью бессознательно фиксировать глубинное. Литература в этом смысле выступает как наиболее точный фиксатор. Она подобна искусно настроенному прибору, замечаящему любые изменения духа культуры, а итогом его измерений являются эмоции и ощущения читателя. Литература не только изображает или улавливает настроения, она еще и дает описания событий и действий. Ознакомившись с литературой той или иной эпохи, можно понять ее сущность лучше, чем прочитав множество исследований или чем познакомившись со множеством исторических событий [Мельникова, 2009, 2011]. И особо значимым является обращение к литературе наиболее современной, потому что относительно современности еще нет исследований, которые могли бы быть достаточно прозорливыми, чтобы отрефлексировать ее тайные процессы, между тем небольшие детали литературных произведений могут намекнуть на них и дать понять хотя бы на уровне чувства, что именно происходит здесь и сейчас. Но не всегда литература находится на подъеме. В некоторые времена начинает казаться, что в целом она скорее приходит в упадок. Но является ли этот упадок упадком жанров, упадком талантов, способностей – или даже сам упадок является все тем же фиксатором глубинных процессов – это вопрос.

В этом очерке нам хотелось бы посмотреть на состояние отечественной литературы последних десятилетий. Сразу скажем, что эта картина представляется нам скорее безрадостной. Тем не менее, возможно, она способна нам сказать нечто важное о том, что мучает современную отечественную культуру, отражается в сознании писателей, определяет их художественный взгляд и заставляет творить в тех или иных формах, сталкиваться с теми или иными проблемами.

Литература в состоянии нерешительности

В советское время писатель сталкивался с жесткой цензурой, а идеологическое давление препятствовало возможности прямых высказываний. В таких условиях многие писатели выбирали путь «самиздата». Но многие работали и вполне официально. Можно даже признать, что цензура воспитывала строгость к тексту, умение пользоваться образами, заставляла добиваться художественной силы небуквальными высказываниями, развивала многозначность использования слов. То есть часто делала тексты более сложными и более изощренными в художественном плане. Особенно интенсивно действия цензуры обсуждались в литературной среде в 1960-е годы – однако именно в эту эпоху советская литература переживала бурный расцвет, подлинный Ренессанс. Никакие цензурные запреты не мешали пробиваться к читателю стихам Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Беллы Ахмадулиной Александра Кушнера, Виктора Сосноры. Издавались Василий Шукшин, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Борис Васильев, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Федор Абрамов, Андрей Битов, Фазиль Искандер, Валерий Попов, драматурги А. Вампилов и А. Володин. Это были высокоталантливые, написанные прекрасным языком и, следует добавить, – очень смелые книги, в даже самые тяжелые времена России XX века не обходились молчанием.

С началом перестройки писатель обрели свободу. И, казалось бы, теперь должны начать появляться все новые и новые талантливые произведения, которые не могли явиться на свет в прежних условиях, прорваться долго скрывавшиеся идеи. Читатели познакомились с прозой С. Довлатова, прочитали «Верного Руслана» Г. Владимова, вышло в свет многотомное собрание сочинений Солженицына, еще несколько книг... Но с течением времени в литературе неожиданно начала образовываться пустота. Нельзя сказать, что вовсе не появлялось новых интересных произведений, но в основном это были произведения развлекательного жанра – триллеры, всякого рода фантастика, море детективов (отнюдь не всегда низкопробных). Поэтому еще в начале 1990-х начались разговоры о том, что серьезная, «большая» литература переживает тяжелый кризис. Замечательный критик Ирина Роднянская в статье «Гипсовый ветер» [Роднянская, 1993] говорила даже о некоей роковой «болезни нашего культурного сознания», но природу этой болезни она в то время затруднялась определить.

С тех пор минуло тридцать лет. Литературных произведений за это время появилось весьма много. Ежегодно присуждаются престижные премии, такие как «Национальный бестселлер» и «Большая книга», с 1992 по 2017 вручалась премия «Русский Букер». Но ни одно из художественных произведений, отмеченных престижными премиями, так и не стало настоящим событием в русской культуре, а ведь премиями отмечено больше 100 книг, так что можно предположить, что это и есть современная отечественная классика.

В жанровом отношении это очень разнообразная литература. Здесь есть и исторические эпопеи, дающие широкую картину сложной российской истории XX века, а иногда осмысляющие и всю многовековую историю нашего государства. К ним примыкает обширный круг исторического фэнтези, имеются повествования из области альтернативной истории. А есть и реалистические повести и романы, которые продолжают традиции русского критического реализма. Часто они поднимают знакомые темы, например, проблему «маленького человека» с его неказистой, убогой жизнью. Также создаются романы-воспоминания: как правило, речь в них идет о советской эпохе, что делает их подобными экскурсиям в этот ушедший мир. Возрождается даже некогда, казалось бы, отвергнутый и прочно забытый жанр производственного романа. Большое место среди книг-лауреатов занимает документалистика – это беллетризованные семейные мемуары («Лестница Якова» Л. Улицкой), биографии

деятели литературы (С. Шаргунов, «Катаев. Погоня за вечной весной»; Д. Быков «Борис Пастернак»; А. Кабаков, Е. Попов, «Аксенов»; О. Лекманов, М. Свердлов, И. Симановский, «Венедикт Ерофеев: посторонний»).

Есть среди удостоенных премий книг и биографии политических деятелей. Первую премию «Большой книги» в 2015-16 гг. вручили Л. Юзефовичу за роман «Зимняя дорога», повествующий о командире Сибирской добровольческой дружины А. Н. Пепеляеве. Книга представлена как документальный исторический роман. Но любопытно, что история приобретает под пером Юзефовича не объективный, а скорее окказиональный характер. Практически ведущей мыслью этого исследования становится недоумение – зачем все же воевали красные и белые? Чем лучше Пепеляева противостоящий ему красный командир Иван Строд? По мысли автора, обоих одушевляет не борьба идей, а некое волевое противостояние. Но для писателя-историка позиция восточного акына, воспевающего все, что видит, невозможна: он вынужден особым образом отбирать факты. Неужели за движением белых и красных не стояло никаких идей? Почему победили красные? Просто так сложилось?

В 2016-17 гг. первую премию получил Лев Данилкин за документально-художественную биографию В. И. Ленина, которого автор причудливо именуется «Пантократор солнечных пылинок». Тот факт, что документалистика награждается как художественная литература, сам по себе свидетельствует об оскудении последней. Плюс к этому между жюри престижных премий и массовой читательской аудиторией намечается явный разрыв. Номинированные на премии художественные произведения все чаще вызывают у читателей удивление, а независимые критики слишком часто подвергают их насмешкам. В таких условиях начинает казаться, что добротное написанная биография крупной личности или документальная история значимого события выглядят надежнее и скорее вызовут общий интерес.

В этой статье мы не претендуем на всеобщий обзор отечественной литературы пост-перестроечного периода. Мы намереваемся рассмотреть ряд книг, в те или иные годы последней пары десятилетий получивших престижные книжные премии. Таким образом можно оценить их жанровый разброс, проследить основные стилистические и содержательные тенденции, что позволит сделать выводы о том, каким образом эти книги способны представить нам отчетливый срез современной отечественной культуры.

Историческое фэнтези или фэнтезийная история?

Начнем с жанра, который сформировался в последние десятилетия и стал популярен среди писателей. Это смесь исторической эпопеи с фэнтези, мистикой, мифологическими и волшебными образами, а также с философскими рассуждениями и декларациями. Одним из ранних примеров такого жанра является вышедший в 1999 году роман Павла Крусанова «Укус ангела», черная мистика с магическим уклоном, развертывающаяся в некой «альтернативной» России. Роман наделал много шума как манерой подачи, которую критика сочла новаторской, так и ярко-выраженными имперскими идеями, которые критику того времени пугали. В романе воспитанная в цыганском таборе девочка Надя поднимает народное восстание, а перед ней катится гигантское огненное колесо, разделяющее Россию пополам. Впрочем, вскоре каким-то образом страна срастается. Главный герой, отвратительный Иван Некитаев, по прозвищу Чума, родившийся от мертвого отца, сожительствовавший с родной сестрой, захватывает власть. Россия растет, расширяется, вот уже и Константинополь взят. Россия обменивается ядерными ударами с Америкой. Иван жаждет победить любой ценой и готов выпустить из подземного мира

страшных псов Гекаты, питающихся человеческими душами, причем неясно, можно ли их будет загнать обратно. Такова примерно эстетика, идея и образные ряды романа, задающегося извечным вопросом о власти, о праве властвующего решать судьбы мира и идти на сделки с совестью.

Один из самых известных и титулованных писателей современной России, пишущий в сходном жанре – *Евгений Водолазкин*, автор романов «Соловьев и Ларионов», «Авиатор», «Лавр», «Оправдание острова» и др. За роман «Лавр» (2012) писатель получил премию «Большая книга» за 2013 год. Сам он назвал свой роман «неисторическим» [Водолазкин, 2018, 134].

Главный герой этого романа, врачеватель Арсений, оставляет свою тайную возлюбленную Устину без помощи, и та умирает родами. Герой пытается искупить свой грех. Потому на протяжении жизни он становится то странствующим травником, то юродивым, то паломником. Он едет в Иерусалим, и наконец затворяется в монастыре, где принимает имя Лавр. Герой исцеляет слепых прикосновением и поднимает на ноги немощных, взглядом изгоняет бесов. При этом все в романе ожидают конца света, назначенного на 1492 год, и неоднократно «обращаются в монастырь за уточнениями». «Нам это важно, простите за прямоту, и в отношении планирования работы, и в смысле спасения души», – говорит один из героев.

В конце романа русский кузнец говорит немецкому купцу: ничего вы в нашей русской земле не понимаете, да и сами мы в ней ничего не понимаем. Автор также не собирается ничего объяснять. Существование «нашей русской земли» скорее оказывается чудом, а чудо не требует пояснений. Персонажи говорят языком, в котором переплетаются многие стили и меняются коды. По выражению критика С. Друговейко-Должанской: то на «чистейшем древнерусском, то на среднесоветском, то на раннепостинтеллигентском» [Друговейко-Должанская, 2015]. И сверхспособности героя также определяются прежде всего его «русскостью». Хотя надо признать, что «русскость» эта и восхищение ею переданы в романе не без ерничества на грани кощунства. Специалист по древнерусской литературе, писатель Водолазкин явно использует отсылки к житиям святых при описании своих героев, однако использует их в ироническом, травестированном виде. Так, герои вспоминают о Елеазаре, резчике по дереву, о котором рассказчик упоминает отчетливо лишь то, что он много... пукал. И вот мальчик лежит на могильной плите: «Елеазар, пукни, тихо просит мальчик. Хотя бы раз. Пусть это будет твоим сигналом оттуда. Елеазар обиженно молчит» [Водолазкин, 2020, 41]. В этой сценке можно увидеть искаженную и превращенную в фарс отсылку к Житию Акакия Синайского. Там есть эпизод, когда кроткий, вечно послушный Акакий, претерпевший много обид от старца-наставника, умер. Епископ же, узнав об этом, пришел на его могилу и воскликнул: «Брат Акакий! Умер ли ты?» Мертвые обычно молчат, но несущий обет послушания и за могилой Акакий кротко отвечает: «Не умер, отче, ибо тому, кто обязался творить послушание, невозможно умереть» [Память преподобного отца нашего Акакия Синайского, 2004, 805]. Самое интересное, что наличие возможности духовного общения с мертвыми, то есть чуда, внезапно сохраняется и в кощунственно искаженном варианте из романа, хотя на этот раз мертвый и не отвечает.

Другой роман Водолазкина, «Оправдание острова» (2020) – еще одно житие, притча, псевдоисторический роман. Здесь рассказывается о трехстах пятидесяти годах Империи – некоего несуществующего острова. Опять перед нами предстает смесь средневековых и современных реалий. Язык также варьируется от использования конструкций, подобных Повести временных лет, до новояза современных журналистов. В истории острова,

окруженного водой, достаточно очевидно видны черты последних трехсот с лишним лет истории России, с ее войнами и революциями, превратившимися на Острове в одну огромную войну и одну революцию. Идея воссоздать в маленьком пространстве историю большого мира не является новой. Щедрая на похвалы критика сравнивает роман с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина, с «Островом пингвинов» Анатоля Франса, даже с деревушкой Макондо из романа Маркеса «Сто лет одиночества», с «Возможностью острова» Уэльбека. И всякий будет прав: современная постмодернистская литература стоит на плечах гигантов.

Черда летописцев пишет исторические хроники, которые перемежаются комментариями светлейшей княжеской четы Парфения и Ксении. Им триста сорок восемь лет, так что они были непосредственными свидетелями большей части описываемых событий. Писатель задается вопросом: откуда все это пошло и чем все это закончится? Ответа, впрочем, на этот вопрос нет. Зато уже само название является провокационным: если остров – изображение России, значит ли это, что существование России нуждается в каком-то оправдании? Немного странный взгляд для писателя, исповедующего патриотизм. Но он, оценивая свое творчество, заявляет: «Я был бы неплохим древнерусским писателем: я знаю, как тогда требовалось писать» [Водолазкин, 2018, 136]. Самооценку, конечно, трудно назвать скромной.

Вся представленная в романе летопись разбита на главы, в которых описывается правление сменяющих друг друга правителей. Но это действительно не является имитацией *русского* летописания. Так выглядели византийские хроники, русская же летопись рассказывает о событиях *по годам*, а не по правителям, будучи, в этом смысле, гораздо демократичней. Странно, что ученик Д.С. Лихачева (по крайней мере, так он себя позиционирует) забыл об этом. Исторические времена и события перемешаны в повествовании как колода карт. Жизнь острова представляет собой череду жестоких и недалеких правителей, а народ – лишь безликую массу, не способную стать субъектом истории.

Еще один писатель, заслуживший пламенные похвалы критики – ныне покойный *Владимир Шаров*. Его последние романы – «Будьте как дети», «Возвращение в Египет», «Царство Агамемнона» пытаются проследить истоки русской революции, выявить ее сущность. Критика называет учителями Шарова ряд писателей от Л. Толстого до А. Платонова. Безусловно талантливый, знаток истории, Шаров защитил диссертацию по Смутному времени. Но как же история выглядит в его произведениях?

События и описания причудливы: мадам де Сталь рождает Сталина; рукопись, спрятанная в бутылке, после смерти вшивается в живот автору; Ленин ведет беспризорных детей через море «аки по суку» в крестовый поход на Иерусалим; сталинские репрессии, оказывается, придуманы для спасения душ через умерщвление плоти; а Россию можно спасти, лишь дописав за Гоголя сожженный том «Мертвых душ».

Вся эта фантазмагория не только не затеняет, но и дает проявиться главной мысли Шарова: историческое прошлое – уродливо и безотраднo, и дело здесь не только в жестоких правителях, но и в самом народе. Русский народ представлен писателем как избранный, особый, но избранность его оказывается несколько странной. Он ищет истинную веру, только, похоже, ему все равно, во что верить: в Маркса ли, во Христа или в Антихриста. Эти люди не слишком ценят собственную жизнь, в то же время наивны как дети и готовы на полное самоотречения ради той веры, которая заполняет их вселенскую пустоту. По сути этот народ – это народ-варвар, носитель стихийного, роевого, дорационального, мифологического сознания. Так автор отвечает на вопрос: почему в России строили рай, а построили ад, почему не в Землю обетованную вошли, а вернулись в Египет?

История России стоит и в центре романа *Петра Алешиковского* «Крепость», лауреата премии «Русский Букер» за 2016 г. К сожалению, нужно признать, что книга строится, по сути, на множестве штампов и клише. Здесь присутствует и «беспомощная интеллигенция», и «жалкий народ», и «проклятый Сталин», и воцарившийся в стране «культ чистогана», и «трагедия маленького человека», и мысли о спасении души, и попытки поверхностного «ниспровергания идолов» (признание гениальным Барклая вместо Кутузова, например). В этом контексте чистый, бескорыстный и наивный археолог Мальцов бьется за сохранение старинной крепости и ее бесценных фресок. Другой лжеархеолог – ловкач, делающий для строителей экспертизу земли за откаты, – уводит у героя жену, а директор музея его увольняет. Но в своих ночных видениях Мальцов возвращается в историческое прошлое своего рода и становится монгольским воином – потомком чингизида Толуя, пожертвовавшего жизнью ради спасения брата – Угедея.

Стоит упомянуть в этом перечне исторических фантазмагорий и еще один роман, не имеющий прямого отношения к исторической прозе, но претендующий на всеобъемлющий охват и объяснение действительности – «Чертеж Ньютона» *Александра Иличевского*. Писатель уже становился лауреатом премий («Русский Букер» (за роман «Матисс»), «Большая книга» (за роман «Перс»). «Чертеж Ньютона» также получил премию «Большая книга» в 2020 году. Герой романа совершает три больших путешествия: по пути в американскую религиозную секту он пересекает на машине пустыню Невада, изучает ее ландшафт и общается с местными духами; затем он едет в заброшенную советскую лабораторию на Памир, присматривается к быту здешних жителей; затем он отправляется в Иерусалим, чтобы отыскать отца – поэта, мечтателя, бродягу и знатока истории Святой Земли. Читатель сталкивается с рассуждениями о Вселенной, о Боге, о цифровой природе ангелов – и о Ньюtone, пытавшемся по чертежу Храма Господня в Иерусалиме найти связь Бога и человека. Также писатель говорит о композиторе Скрябине, о живописце Поленове, о поэте Бродском. Между делом герой совершает глобальные открытия богословского характера, например, открывает тайну человека и Бога... Сюжет рассыпается, особой логики нет, психологическая достоверность отсутствует, рассуждения довольно схематичны, но главным для писателя является его призвание открыть всемирную истину, не меньше.

Один из самых популярных (и тут как раз сошлись мнения и критики, и читателей) писателей-историков последних двух десятилетий – *Алексей Иванов*. Его роман «Сердце пармы» (2003) описывает историю покорения пермской земли и ее исконных обитателей (воинственных вогулов, манси) московскими царями. В романе тщательно прослежены реальные события, украшенные неплохо воссозданной местной мифологией, а также есть и мистический элемент. Но, глубоких, запоминающихся характеров, скорее нет, так же как и настоящего конфликта, который бы эти характеры выявил. Еще один его роман, «Золото бунта» (2005), представляется в этом плане более целостным. Он написан о жизни на уральской реке Чусовой в эпоху после пугачевского восстания. Здесь писатель демонстрирует глубокие познания в области местной географии, этнографии, воссоздает забытую местную мифологию, красочно показывает смертельно опасный труд сплавщиков. Это одновременно и исторический роман, и детектив, и мистический триллер. Автор романа и сам десятки раз спускался по бурной реке, знает все ее пороги и страшные скалы – «бойцы». Присутствует и любопытный детективный сюжет: юный герой Осташка Переход хочет очистить от клеветы имя своего погибшего (или исчезнувшего вместе с золотом Пугачева) отца. Герою свойственны храбрость, справедливость, чувство чести. Тем не менее на протяжении романа он начинает вести себя все более иррационально. Сперва симпатизировавший ему читатель оказывается ошарашен:

Осташка идет к своей цели, не замечая других людей, губя их без счета, он готов на насилие и убийство – и не испытывает никакого душевного трепета. В конце романа он разбивает свою барку о скалы и губит доверившихся ему товарищей. Можно сказать, что тут автор нарушает всякое правдоподобие. Что это? Неумелость автора в изображении целостного образа? Попытка добиться глубины и неоднозначности характера таким радикальным способом? Или просто, почувствовав, что овладел новым и сильным жизненным материалом, автор побоялся показать вывести в романе положительного героя-деятеля, труженика, смелого искателя правды? Придание этому самоотверженному правдоискателю звероподобных черт, создание образа носителя хаоса и темных хтонических желаний могло быть сделано просто в угоду критике и в погоне за читательским интересом?

Романы-воспоминания

Другим жанром являются разного рода мемуары, мимикрирующие под реалистический роман. В этом жанре, оставив в стороне выдуманных персонажей и воспользовавшись собственным семейным архивом *Людмила Улицкая* создала повествование в письмах «Лестница Якова» (2015). В романе охватывается история всего XX века, но представленная в чисто семейном ключе. Здесь есть все: война, ссылка, лагерь, любовь, развод, отъезд в Америку, наркотики. По пестроте сюжета роман напоминает индийский кинематограф. Целью романа, по всей видимости, является наибольший охват описываемых событий. Создание правды характеров, следование внятной логике развития действия, передача психология героев не выглядит приоритетной задачей в этом тексте (хотя эпистолярный жанр мог бы дать такую возможность).

Надо заметить, что, несмотря на теплый прием у критики, Улицкая, после довольно популярного в интеллигентских кругах романа «Медея и ее дети» (1996) так и не смогла удержать читательский интерес. Ни роман «Казус Кукоцкого» (2000), повествующий о нелегкой жизни врача-гинеколога, умеющего видеть насквозь своих пациенток, ни роман «Искренне ваш Шурик» (2003) о кротком, воспитанном мамой и бабушкой молодом человеке, постоянно выбирающем в любовницы старых, уродливых или безумных женщин, так и не стали серьезными литературными событиями.

К документалистике Улицкая обращалась и раньше. Можно упомянуть ее художественно-документальный роман «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) о реальном человеке, знаменитом польском еврее, Освальде Руфайзене, во время войны служившем в СС и спасавшем обреченных евреев, затем служившем в НКВД, затем ставшем католическим священником в Израиле. Столь яркая судьба была бы интересна в любом случае, однако автор перегружает его, добавляя к исторической фабуле множество размышлений о Боге, о вопросах истинной и ложной веры, о теологии, обрядности, которые, в целом, не выходят за рамки поверхностных суждений, что делает роман весьма спорным.

Получивший награду «Большая книга» за роман «Город Брежнев» (2017) *Шамиль Идиатуллин* также отдает дань воспоминаниям. Он представляет тщательно выписанную экскурсию по миру детства, городу Набережные Челны. Поколению, не знавшему социализма, этот роман может быть интересен. Но попытка расширить повествование за счет использования черт производственного романа видится несколько искусственной. Бесконечные разговоры о производстве Камазов замедляют и так очень медлительное действие. В романе около тысячи страниц, сюжет достаточно хорошо выстроен, но герой при этом на всем протяжении остается

абсолютно статичным. Мальчик получает жестокий жизненный опыт, но он не способен к рефлексии, не чувствует ни вины, ни жалости, ни хоть какого-то нравственного неудобства. Критик К. Мильчин иронично назвал роман «КАМАЗ над пропастью во ржи» [Мильчин, 2017], намекая тем самым на Дж. Д. Сэлинджера, но именно взросления, изменения душевной жизни героя мы здесь не видим.

Следующий, также получивший «Большую книгу» в 2019 году роман Идиатуллина «Бывшая Ленина», также проникнут некоторой ностальгией. Улица Ленина теперь называется Преображенской. Но преобразование из советского городка в постсоветский не радует. Над городом царит свалка, которая образовалась на месте ранее располагавшегося здесь совхоза, и все усилия положительной героини Лены направлены на борьбу с ней. На проблему гражданской активности накладывается семейная мелодрама, но сюжет здесь выглядит слабее, чем в предыдущем романе. Описав ситуацию со свалкой, отравляющей город, автор не желает идти дальше. Герои произносят убедительные монологи, но действие не сдвигается с места.

Возврат к проблеме «маленького человека»

Неоднократно осмеянная в постперестроечной критике тема «маленького человека» также вернулась в литературу, но в весьма причудливом виде. Можно привести в пример роман *Алексея Сальникова* «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016). Больницы, транспорт, детский сад, жизнь маленького серого человечка в большом провинциальном городе как середины 90-х, так и середины 70-х гг. вполне узнаваема. Восторженные критики сравнивают роман с магическим реализмом Г. Г. Маркеса, с постмодернизмом Венедикта Ерофеева, даже со стилем М. Булгакова. Но в сущности здесь торжествует приземленный бытовизм, автор возвращается к «чернухе» 1990-х годов. Мистический налет придает роману некоторое своеобразие: герои похожи то на Аида, то на Харона, то на Эриний, но даже это плохо объясняет характеры и поступки героев, постоянно находящихся словно бы в полубреду, а сами герои – это маленькие, жестокие, неглубокие и скучные люди.

В 2017 году премия «Русский Букер» была присуждена книге «Убить Бобрыкина» *Александры Николаенко* (это было последнее присуждение данной премии, которая больше не присуждается в связи с отсутствием спонсоров). Писательница также обращается к теме маленького человека. Затравленный своей жесткой, истерически-религиозной матерью, бедный, чувствительный, так и не ставший взрослым главный герой Саша Шишин ищет отраду в письмах Тани, которую он когда-то в детстве любил, но ее увел ненавистный школьный приятель Бобрыкин. В конце концов герой как будто бы убивает – и Бобрыкина, и свою мать, а может быть, также и Таню. Впрочем, может быть ни Тани, ни ее писем не существовало – все тонет в мутном потоке сознания (или подсознания) героя. При этом роман написан рифмованной, ритмизированной, музыкально-тягучей прозой. Критика поспешила сравнить Николаенко с Сашей Соколовым («Школа для дураков»), и даже с поэмой Гоголя «Мертвые души», но это, на наш взгляд, говорит скорее о невзыскательности критики. Если искать литературных предшественников романа, можно указать на книгу П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (1996), в которой были тонко, психологически правдиво обрисованы и главный герой – больной, запуганный восьмилетний мальчик, – и обожающая его полубезумная бабка, и робкая, несчастная мать, а также была ярко показана душевная сумятица, тоска и боль этих вполне живых и полнокровных, хотя и несколько одноплановых персонажей. Обладает ли этими чертами и точностью описаний роман Николаенко – большой вопрос.

Литературный пессимизм

Разумеется, за последние три десятилетия издавалось множество хороших книг, ряд писателей остался верен принципам великой русской литературы с ее глубиной и многозначностью, умением скупыми, экономными средствами показать сложную диалектику души, способностью выстроить правдивый и увлекательный сюжет. Таковы, например, уже упомянутая выше книга *Павла Санаева*. В начале 1990-х гг. петербургский писатель *Александр Покровский* написал несколько сборников уморительно-смешных и трагически-грустных новелл о службе на атомной подводной лодке (по его сценарию был создан фильм «72 метра» (2004)) Широко известен *Захар Прилепин*, бывший омовец, воевавший в Чечне (впрочем, в последнее десятилетие он больше занимается общественно-политической деятельностью). Выходец из Чечни *Герман Садулаев* бесстрашно пишет о русско-чеченских проблемах.

Продолжает издавать романы беспощадно изруганный критикой, но не утративший читательской любви *Виктор Пелевин*. Один из самых сильных романов последнего десятилетия – «S.N.U.F.F» (2011), где есть и гротескная антиутопия с захватывающим авантюрно-любовным сюжетом, и злая, остроумная сатира на современную Россию, а в еще большей степени – на Запад.

Но все эти романы – более, чем десятилетней давности.

Из интересных явлений последних лет стоило бы отметить попытку возрождения «производственного романа». «Уран» (2019) *Ольги Погодиной-Кузьминой* повествует о буднях огромного уранового комбината в послевоенной Эстонии: здесь показаны и тяжкие трудовые будни, и эстонский национализм «лесных братьев», и эхо недавней войны, а также присутствует весьма умело выстроенная детективная линия. Действие романа *Михаила Балбачана* «Шахта» (2009) охватывает 1930-80-е годы. Пламенный энтузиазм и непосильный труд, страшная военная пора, когда совсем уж не считались с жертвами и на шахте работали зеки, послевоенное время с его механизацией труда и нарастающим равнодушием и беспорядком. Герой самоотверженно служит, проявляет чудеса трудолюбия и предприимчивости, поднимается до министерских высот – и тут повествование обрывается. Шахты больше не нужны, министерство расформировано. *Ксения Букиша* написала книгу «Завод “Свобода”» (2014), в которой мы сталкиваемся с реальной историей завода от его бурной и героической советской молодости до жалкой постсоветской старости и гибели, и она во многом воспринимается как история самой страны. Видимо, живая, реальная жизнь, с ее прозаическими, а не фантастическими проблемами снова стала привлекать писателей.

Но это лишь счастливые исключения. В целом литературный пейзаж последнего тридцатилетия носит достаточно безотрадный характер.

В стилистическом плане для современных писателей как будто не существует опыта двух веков великой русской литературы. Они разучились владеть живой разговорной речью, не могут выстроить правдоподобный, естественный диалог. Часто писатель просто не способен *показать* поступок или явление. Вместо этого присутствует длинное, путаное, сухое *изложение* происходящего. Стиль повествования переусложнен, писатели полюбили громоздкие предложения, скрытые цитаты, поток сознания – современная литература довольно умело имитирует черты модернизма и постмодернизма, но то, что в начале XX века под пером Фолкнера, Пруста и Джойса выглядело смелым новаторством, спустя век начинает производить впечатление вторичности, литературного штампа. Не вдохновляют и сами идеи – возникает впечатление, что писатели просто отравлены продуктами распада различных учений – от

марксизма до буддизма. Говоря словами М. Эпштейна, в литературе господствуют «цитатность вместо самовыражения, симуляция вместо истины, игра знаков вместо отображения реальности... – таков этот постсентиментальный, посттрагический, постутопический мир, упоенный собственной вторичностью...» [Эпштейн, 2005, 475].

Заключение

В последние годы литература как будто совершила круг и вернулась в начало 1990-х годов. В прозе, ориентирующейся на реализм, снова в моду вошло унылое бытописание, мрачный пессимизм. Описания, особенно советского прошлого, окрашены в безнадежные тона, будто не было в истории страны ни великого порыва к свету, правде и справедливости, ни массового самоотвержения. Почти исчез из поля зрения радостный, полнокровный оптимизм 1950-60-х годов. Одним из великих принципов русской классической литературы было: писать объективно, без гнева и пристрастия, обладать духовной свободой и широтой взгляда, наконец, стремиться к углубленному психологизму, не терять ощущения, что нет «маленьких и больших» людей, что, по знаменитому выражению Достоевского, «каждый человек есть тайна» и дело писателя – разгадать ее [Мельникова, 2009]. Но, кажется, современные писатели впали в состояние какого-то ярко-выраженного пессимизма, который уже не позволяет ни утверждать что-либо отчетливым образом, ни сохранять объективную безоценочную позицию. Как мы знаем, западная литература первой половины и середины XX века также была наполнена ощущением пессимизма, безвыходности и абсурда, но оно скорее фиксировалось с жестокой отчетливостью как неутешительный факт культуры, оставляя, таким образом, пространство для борьбы. Совсем другое дело, когда это ощущение становится духом и формой самого литературного стиля, самого отношения писателя и к выбранным темам, и, кажется, к самому собственному творчеству. Что может фиксировать такой пессимизм в культуре и где можно было бы найти выход из тупиковой ситуации?

Как представляется, отмеченные колебания и нестабильность, отказ от психологической глубины, поверхностность, банальность или разрозненность идейных рядов, обращение к стилизации с внезапными гипертрофированными и неаутентичными вставками или разрушающим дух стиля общим настроением, колебания между постмодернизмом и реализмом, нарушающие целостность восприятия произведения, дефекты в логике, мистицизм наряду с чернухой, гуманизм наряду с необоснованной жестокостью, даже колебание между русофилией и утверждением патриотических ценностей и их осквернением и ерничеством по этому же поводу могут быть свидетельством некоего глубинного отсутствия определенности, понимания того, что же все-таки происходит в современной отечественной культуре. И это касается не писателя-индивида, но скорее самой культурной ситуации [Горшкова, Мельникова, 2018]. Возможно, кризис литературы последних десятилетий свидетельствует о том, что современная отечественная культура находится в состоянии перехода. Убежденности, присутствовавшие в советское время (как и в более ранние эпохи), даже убежденности, имевшие противоположные знаки, остались в прошлом. Убежденности, обретенные в процессе перестройки при становлении нового общества на развалинах старого, также оказались не столь уж и убедительными. История вошла в период колебания. Слишком большое количество культурных сдвигов за время жизни одного поколения дает о себе знать. Остается ирония, остается хроника, остается развлечение – но какая-либо серьезная мировоззренческая рефлексия немедленно заходит в тупик. Качество литературных текстов фиксирует это колебание. Возможно, ростки

нового, как всегда, в периоды больших перемен, прорастают там, где мы их все еще не способны увидеть, и признанные, знакомые критикам формы, уже не способны их отразить – зато само колебание отражается в них очень заметно.

Библиография

1. Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: АСТ, 2020. 448 с.
2. Водолазкин Е.Г. Поющий в степи // Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе. СПб.: Азбука, 2018. 265 с.
3. Горшкова В.В., Мельникова А.А. Современное российское общество как пространство конфликта // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 2. С. 81-93.
4. Друговейко-Должанская С.В. Евгений Водолазкин. «Лавр». 2015. URL: https://web.archive.org/web/20150525203138/http://www.natsbest.ru/SVDD13_vodolazkin.html
5. Мельникова А.А. Представление о деятельности в русской ментальности: аспект языкового анализа // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 70-73.
6. Мельникова А.А. Русская ментальность в структуре языка: отражение базовых смыслов // Вопросы культурологии. 2009. № 9. С. 13-15.
7. Мельникова А.А. Язык и социально-культурная реальность // Социальная психология сегодня: наука и практика. СПб., 2011. С. 72-73.
8. Мильчин К.А. КАМАЗ над пропастью во ржи: роман «Город Брежнев». 2017. URL: <https://tass.ru/opinions/4047154>
9. Память преподобного отца нашего Акакия Синайского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. III. Житие 1056.
10. Роднянская И.Б. Гипсовый ветер. О философской интоксикации в текущей словесности // Новый мир. 1993. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/12/gipsovyj-veter.html
11. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.
12. Smolina T.L., Melnikova A.A. How Russians View Themselves: Psychological Study of National Auto-Stereotypes // Психология и Психотехника. 2017. № 4. С. 15-22.

The cultural message of art: the specifics of modern Russian literature

Anna V. Uspenskaya

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: uspenskaja@rambler.ru

Natal'ya A. Solomonova

Doctor of Arts, Professor,
Corresponding Member of the International Academy
of Sciences of the Higher School,
Professor of the Department of Sound Engineering and Musical Art,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: n.solomonova2011@yandex.ru

Klara I. Sharafadina

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Journalism,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: belkaklara@mail.ru

Abstract

The article analyzes the state of contemporary Russian literature. The authors proceed from the conceptual assumption that art in general and, in particular, fiction is the best fixer of deep processes in culture. Reading fiction and its analysis can be useful if you want to understand the spirit of a particular cultural epoch. This may apply to the analysis of the contemporary culture, since theoretical reflection is forced to lag behind ongoing processes, while the artist's vision captures them directly. Using the methods of structural and motivational analysis, the article examines a number of works created over the past decades, which have earned high marks from critics and received literary awards. Conclusions are drawn about the main issues and genre features that prevail in modern Russian literature. Observation of all these trends gives reason to see problematic moments: indecision, hesitation, semantic emptiness, inconsistency, incompleteness, an abundance of stylizations, exaggerated formalism, a penchant for mysticism, and dark sides of life. The assumption is that literature captures the problematic state of culture itself, which is in a difficult situation, at a crossroads, in a state of hesitation and uncertainty, which can be caused by many worldview shifts that have occurred over the past decades, and the weakening, confusion of any semantic and value rows. Even the very imperfection of the artistic form turns out to be a fixer of the cultural state, and the way out of the crisis may lie outside the limits of the forms that have become generally accepted.

For citation

Uspenskaya A.V., Solomonova N.A., Sharafadina K.I. (2023) Kul'turnyi posyl iskusstva: spetsifika sovremennoi rossiiskoi literatury [The cultural message of art: the specifics of modern Russian literature]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (1A-2A), pp. 321-334. DOI: 10.34670/AR.2023.90.76.034

Keywords

Cultural epoch, modernity, literature, Russian literature, domestic literature, art form, literature crisis, postmodernism in literature.

References

1. Drugoveiko-Dolzanskaya S.V. (2015) *Evgenii Vodolazkin. «Lavr»* [Evgeny Vodolazkin. "Laurel"]. Available at: https://web.archive.org/web/20150525203138/http://www.natsbest.ru/SVDD13_vodolazkin.html [Accessed 03/03/2023]
2. Epshtein M.N. (2005) *Postmodern v russkoi literature* [Postmodern in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
3. Gorshkova V.V., Mel'nikova A.A. (2018) *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo kak prostranstvo konflikta* [Modern Russian society as a space of conflict]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 13, 2, pp. 81-93.
4. Mel'nikova A.A. (2009) *Predstavlenie o deyatel'nosti v russkoi mental'nosti: aspekt yazykovogo analiza* [Representation of activity in the Russian mentality: an aspect of language analysis]. *Voprosy kul'turologi* [Questions of Culturology],

-
- 11, pp. 70-73.
5. Mel'nikova A.A. (2009) Russkaya mental'nost' v strukture yazyka: otrazhenie bazovykh smyslov [Russian mentality in the structure of the language: a reflection of the basic meanings]. *Voprosy kul'turologi* [Questions of Culturology], 9, pp. 13-15.
 6. Mel'nikova A.A. (2011) Yazyk i sotsial'no-kul'turnaya real'nost' [Language and socio-cultural reality]. In: *Sotsial'naya psikhologiya segodnya: nauka i praktika* [Social psychology today: science and practice]. St. Petersburg.
 7. Mil'chin K.A. (2017) *KAMAZ nad propast'yu vo rzhi: roman «Gorod Brezhnev»* [KAMAZ over the Catcher in the Rye: the novel "The City of Brezhnev"]. Available at: <https://tass.ru/opinions/4047154> [Accessed 03/03/2023]
 8. (2004) Pamyat' prepodobnogo ottsa nashogo Akakiya Sinaiskogo [The memory of our reverend father Akakiy of Sinai]. In: *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sv. Dmitriya Rostovskogo* [Lives of the Saints in Russian, set forth according to the guidance of the Chet-Menaias of St. Dmitry Rostovsky]. Kyiv: Holy Dormition Kiev-Pechersk Lavra. Vol. III.
 9. Rodnyanskaya I.B. (1993) Gipsovyi veter. O filosofskoi intoksikatsii v tekushchei slovesnosti [Gypsum wind. On Philosophical Intoxication in Current Literature]. *Novyi mir* [New World], 12. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/12/gipsovyj-veter.html [Accessed 03/03/2023]
 10. Smolina T.L., Melnikova A.A. (2017) How Russians View Themselves: Psychological Study of National Auto-Stereotypes. *Psikhologiya i Psikhotekhnika* [Psychology and Psychotechnics], 4, pp. 15-22.
 11. Vodolazkin E.G. (2020) *Lavr* [Laurel]. Moscow: AST Publ.
 12. Vodolazkin E.G. (2018) Poyushchii v stepi [Singing in the steppe]. In: *Kak my pishem. Pisateli o literature, o vremeni, o sebe* [How we write. Writers about literature, about time, about themselves]. St. Petersburg: Azbuka Publ.
-